

**ПОЛІТИЧНІ ПЕРЕТВОРЕННЯ, ІДЕОЛОГІЧНІ РУХИ ТА
ТЕРИТОРІАЛЬНІ СПІЛЬНОТИ В ПЕРІОД ПЕРЕХОДУ
ДО ДРУГОГО МОДЕРНУ: ПОСТРАДЯНСЬКИЙ ДОСВІД**

УДК 316.42:342.5 (367)

Гаврилов Н. И.

**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ РЕАЛИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И РОССИИ**

Когда под влиянием внешних и внутренних факторов бывшие союзные республики перестали представлять собой одно целое в контексте советской тоталитарной государственности, то оказалось, что в своих центробежных устремлениях Белоруссия, Россия и Украина не только не захотели осуществить конструктивное отрицание исходного основания, но и приложили максимум усилий для того, чтобы полностью его разрушить.

Определяя свою цивилизационную идентичность, новоиспеченные государственные образования объявили о том, что они трансформировались в демократии, которые не будут иметь ничего общего с тоталитарными традициями.

Если согласиться с тем, что такая постсоветская реальность славянских государств соответствует заявленной ими «данности», то обнаружим несколько «интеллектуальных тупиков», посредством которых «*действительное*» подменяется «*мнимым*».

Во-первых, упрощенная, черно-белая диагностика таких трансформационных реалий постсоветских государств в диапазоне их «демократичности-недемократичности» является малопродуктивной даже в контексте определения «*правильных*» и «*ошибочных*» конституций Аристотеля. Как известно, к первым он относил монархию, аристократию и политию, а ко вторым - тиранию, олигархию и демократию [1].

Во-вторых, если речь вести о «трансформации», то тогда этот процесс не следует сводить к буквальному толкованию термина (в переводе с латинского *trasformatio* означает преобразование, превращение), а надо видеть в нем форму *конструктивного отрицания*, то есть такое изменение свойств и качеств системы, в которой сохраняется сама ее интегрирующая структура. Иными словами, если осуществляется отрицание-трансформация, то происходит *эволюционное* преобразование внутренней структуры объекта, но не механическая замена одной определенности другой посредством коренной ломки первоначальной структуры.

В-третьих, когда мы говорим об отрицании постсоветской действительности, то должны делать акцент на состоянии качественной определенности трансформирующегося государства в масштабах реального времени («здесь» и «теперь») и определять цивилизационную направленность его развития, а не ограничиваться идентификацией по ее названиям.

Поэтому в данной статье я попытаюсь реконструировать постсоветские трансформационные реалии Белоруссии, России и Украины посредством раскрытия мнимых оснований объявленных реальностей, анализа меры определенности государственности государства, осмысления влияния установок на процесс восприятия действительности, раскрытия трансформационного потенциала для демократических преобразований в параметрах реального времени.

Мнимость объявленных реальностей

Тезис о том, что государственное устройство не может создаваться по желанию отдельных людей таким, каким они его в идеале представляют, был обоснован мною еще в 1997 году. Основная аргументация сводилась к тому, что государство не может строиться из деталей, потому что оно живет в формах проявления духа народа и его устройство соответствует состоянию этого духа. Поэтому при деструктивном отрицании государственного строя может быть изменено только его название, но сущность проявления государственности этого государства остается всегда неизменной [2].

Первые свидетельства плодов деструктивного отрицание представлены в «Речение Ипувера», в котором воспроизводилась хроника восстания рабов в Египте. Главный итог борьбы рабов за свою свободу свелся к тому, что рабы сами стали владельцами рабов [3].

После государственного переворота в октябре 1917 года, когда конституционную монархию в России попытались трансформировать в демократию, структура авторитарного строя не изменилась, а лишь оформились в разнообразные «культы личности».

Наиболее зримые последствия деструктивного отрицания можно наблюдать в бывших советских среднеазиатских республиках. Очередная «революция» в Киргизии привела к тому, что репродуцировалась совершенно архаическая система политического устройства общества, и страна оказалась даже не в постсоветской, а в дороссийской – феодальной эпохе. Выборы, партии, парламент в этой стране являются лишь атрибутами мнимой демократии, которые никак не согласуются с наличным архаичным содержанием ее государственности.

Современная действительность трансформационных реалий на постсоветском пространстве такова, что новые реальности не образуются, а *объявляются*. Дальнейшее функционирование объявленного зависит только от того, «как карта ляжет». Можно вспомнить, как объявили о своей независимости постсоветские

государства. Ведь все они это сделали не во время правления Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко и даже не в эпоху «перестройки» Горбачева, который создал для этого все предпосылки, и ими смогли воспользоваться только прибалтийские страны. Не решались они на это и во время путча ГКЧП, а заявили о своем суверенитете только после того, как он провалился.

Можно восстановить в памяти, при каких условиях объявило о своей независимости Косово, как создавались основы развития «демократической государственности» в Ираке и Афганистане.

Абсурдность объявленных реалий подпитывается тем, что в нематериальном мире переход абстрактных возможностей в реальные осуществляется без учета надлежащих условий и вопреки логики бытия. Определенность неопределенности, которая объявляется посредством названий, принимается за исходное «дано» и в таком виде используется в последующих преобразованиях реальности.

Мера определенности государственности государства

В идеальной (нематериальной) реальности, с которой соотносится государственность государства, отсутствуют строго зафиксированные грани, разграничивающие одну качественную определенность от другой. Последующая ступень как бы полностью сливается с предыдущей и создается впечатление либо полной однородности, либо внезапного появления нового. Вместе с тем диалектика количественных и качественных изменений позволяет зафиксировать здесь не две качественные определенности, а три: *исходную* форму объекта; *нечто качественно неопределенное как исходное*, но и не новое; *новую* форму объекта.

Все три аспекта такой определенности трансформационных преобразований государства хорошо иллюстрирует тест на ригидность. Суть его сводится к тому, что испытуемому показывают карточку с изображением кошки и просят сказать, что это такое. Затем демонстрируется следующая карточка, на которой тоже изображена кошка, но уже с некоторыми признаками собаки. На третьей карточке черты собаки еще более заметны и так далее. На каком-то этапе демонстрации черты кошки будут представлены в равной пропорции с чертами собаки. Затем будут показаны карточки, на которых черты собаки превалируют над чертами кошки. На последней карточке изображена настоящая собака. По мере предъявления карточек испытуемый должен будет идентифицировать каждую карточку или с кошкой, или с собакой. Ригидный человек, как правило, отождествляет все карточки только с кошкой.

В этом тесте явно можно обнаружить *три качественные определенности*: кошку, собаку и нечто неопределенное – кошку с чертами собаки и собаку с чертами кошки.

Примечательным моментом здесь является то обстоятельство, что кошка сохраняет свою качественную определенность кошки как таковой не только на первой карточке, но даже в тех случаях, когда у нее появляются некоторые черты собаки.

Собака – это иная качественная определенность, которая также сохраняется с некоторыми чертами кошки.

Нечто третье, что в процессе перехода от одной качественной определенности к другой приобретает свою специфическую определенность как форма наличного бытия, не сводящаяся ни к новому, ни к старому.

Этот *переходный тип* есть форма трансформации, которая не просто упускается из вида, но и является камнем преткновения для тех, кто анализирует проблемы формообразования нового. Очевидными предстают только два полюса: исходное и нечто иное по отношению к нему, а *процесс перехода в это иное* не воспринимается как нечто самостоятельное, имеющее качественную определенность.

Нельзя сказать, что этот процесс полностью игнорируется. Напротив, его феномен получил своеобразное оформление под названием «*переходный период*». Но даже в этой словесной характеристике акцент ставится на временном, преходящем характере этой определенности. На самом деле в этом промежуточном варианте мы сталкиваемся с «*синдромом неопределенности*», который не только сбивает с толку обывателя, но и уводит от истины искушенных исследователей. Более того, это нечто неопределенное представляет собой «*социальный мутант*». Субъективно мы можем его не воспринимать, но «синдром неопределенности» дает о себе знать постоянно.

Во-первых, заранее неизвестно, как долго продлится любой «переходный период».

Во-вторых, трудно определить, происходит ли переход в запланированную качественную определенность или изменение ведет в *нечто совсем непредусмотренное*.

В-третьих, не ясно, чем является для нас это новое качественное образование, если оно в силу своей неопределенности и ни то, и ни сё.

Единственное, что можно смело утверждать, что качественная определенность переходного периода в силу своей идеальности имеет, в первую очередь, *субъективную окраску*, которую в теоретическом плане нельзя свести к какой-либо качественной однозначной определенности разного, но субъективно она идентифицируется по принципу «либо-либо».

Установка как фактор искажения действительности

Если принять во внимание, что качественная определенность государственности государства есть целостность, мерой которой является *результат со своим становлением*, то в полной степени таким

условиям может отвечать только *взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего*. Но если государственность государства будет рассматриваться в ракурсе лишь одной событийной целостности, то действительность сведется к мнимой реальности.

Когда за единицу измерения трансформирующей реальности берется *прошлое*, то люди не желают видеть никаких изменений в наличной социальной действительности. В нашем примере с тестом находятся испытуемые, которые либо вообще не замечают никаких изменений, которые происходят с кошкой, обретающей на их глазах черты собаки, и продолжают утверждать, что на картинке изображена кошка, либо воспринимают эти изменения с большим запозданием. Первое впечатление как бы «каменеет» и упорно сохраняется в сознании вопреки очевидному изменению действительности. Оно держит многих людей в плену исходного, сковывает все изменения привычным и традиционным мировосприятием. Эти люди живут в минувшем, они не хотят востребовать будущее. Они как бы умерли для будущего. И может быть, в этом смысле их жизнь надо рассматривать через призму тех «традаций мертвых», которые кошмаром довлеют над умами живых.

Когда определенность трансформирующейся реальности измеряется мерой «*здесь и теперь*», тогда за единицу ее измерения берется процесс, в котором запечатлеваются пространственные и временные границы наличной данности (настоящего). Использование такой единицы измерения объясняется житейской целесообразностью – ведь живем в настоящем, в той действительности, какая есть, поэтому ее и надо брать за точку отсчета. Но как раз здесь и подстерегает опасность. Исходная данность берется в застывшем виде, не разворачивается во времени и не фиксируется как *процесс*. В этом случае мера «здесь и теперь» приводит к полному субъективизму в понимании происходящего.

Когда для определения и признания границ новой реальности берется *мера будущего*, то результат фиксации изменений, которые приводят к появлению качественно новой определенности, настолько субъективен, что зачастую приводит к тому, что желаемое запросто выдается за действительное. Обыденному сознанию трудно осмыслить разницу между «может» и «будет». На уровне представления, если может что-либо быть, то оно воспринимается как нечто, что обязательно должно произойти или появиться.

Трансформационный потенциал для демократических преобразований

Состояние государственности советского государства, которое подверглось деструкции всеми союзными республикам, на момент отрицания представляло собой «социальный мутант» – нечто неопределенное между тоталитаризмом и демократией. Это была еще кошка, но уже с явно выраженными чертами собаки. Исходной основой,

безусловно, являлась тоталитарность. Но нельзя было не заметить, что тоталитарность 1937 года и тоталитарность середины 1991 года имели разные структуры. Демократическая составляющая целостности союзного государства в какой-то степени соответствовала образованию взаимосвязанных частей, но вместе с тем не представляло собой нечего иного по отношению к ним.

Политика «либерализации» государственного устройства Горбачева свела исходную тотальность к относительно автономным образованиям, которые стали репродуцировать свою цивилизационную идентичность для того, чтобы переформатировать эту целостность на новых принципах. По своей внешней определенности каждая автономность уподоблялась матрешкам, которые должны были входить друг в друга только на основании количественных параметров. У всех было одно и то же основание – либерально-партийно-бюрократическая тоталитарность. Различия обнаруживались только в духовной сфере: Беларусь представляла собой гомогенную целостность, а Россия и Украина – гетерогенные целостности, в которых реальную определенность имели территории со своей специфической культурно-исторической идентичностью.

Идея *перестройки* союзного государства не столько определялась строительной терминологией, сколько олицетворяла некое суммативное образование: части целого, «склеивались» принципом демократического централизма и внешним образом покрывались «лаком» интернационализма советского человека. В общественном сознании мифологемы коммунистических перспектив были вытеснены идеологемами ускоряющегося социализма.

Трансформация развалившейся на части тоталитарности за короткий промежуток времени могла оформиться только в иного рода тоталитарности. Каждая страна определила свои векторы дальнейшего развития: Украина стала «оживлять» *прошлое*, Беларусь занялась реанимацией *настоящего*, а Россия устремилась в *будущее*. Условиями для реализации векторов развития для России и Украины предстали абстрактные возможности, а Беларусь имела возможность развиваться на условиях, которые были заложены в наличной действительности. В ментальном плане Украина стремилась репродуцировать *симулякры*, Белоруссия – *идеологемы*, Россия – *мифологемы*.

Украина: реконструкция прошлого

Государственность Украины уже на этапе «развитой» перестройки определялась двумя разнонаправленными векторами: русскоязычным советским интернационализмом, который в наибольшей степени укоренился на юго-востоке и подпитывался многосторонними отношениями с Россией, и украинским национализмом, оплотом которого стали территории, присоединенные в 1939 году, с явно

выраженной идеологической заангажированностью, законсервированной в национальной идее украинской диаспоры за рубежом.

Согласно Даниилу Яневскому, Украина как государство в том виде, как оно было провозглашено в 1991 году, объединяла более 60 территорий, имеющих очень мало общего. В качестве примера он приводит Буковину, в которой выделяет три отдельные этнокультурные территории между Прутом и Днестром, между Прутом и Черемошем и за Черемошем. И Буковина украинская православная – это совсем не то, что Буковина иудейская. Черновцы еврейские, это совершенно не то, что Черновцы немецкие. Это отдельные ментальные и духовные общности и их нельзя механически учитывать как одну единицу. У этих 60 территорий нет общего языка и вероисповедания, героев и врагов, их сколотили в одном государстве Сталин и Гитлер, поэтому ужиться вместе они не смогут [4].

Проголосовав на референдуме за независимость Украины, население этих территорий полагало, что демократические преобразования будут сопровождаться правом людей на их самоидентификацию. Но на смену великорусскому геополитическому и культурному менталитету пришел украинский тоталитарный национализм, который стал господствующей идеологией вместо интернационализма. Вся трансформация ментального пространства свелась к деструктивному отрицанию российской идентичности. Апофеоз такого дистанцирования от славянской общности прозвучал в названии книги, написанной Леонидом Кучмой: «Украина – не Россия». Глава государства, который пришел к власти в основном благодаря поддержке русскоязычных избирателей Востока и Юга Украины, и который обещал создать такую страну, где каждый сможет развивать свою идентичность, все содержание этой книги посвятил доказательству, что украинцы не имеют никакого отношения к русскому народу, что они несравненно лучше, способнее, талантливее русских [5].

Подхватив эстафету отрицания всего советского и русского, Ющенко на волне «оранжевой революции» за годы своего пребывания на посту Президента Украины настолько старался унифицировать государство в формате национальной идеи, что не заметил, как вся страна погрузилась в симулякры не только досоветского, но и дороссийского прошлого, а антиподом демократии стала новая модель тоталитарности. Национальная идентичность была сведена к идолопоклонству Шевченко, казакам Хмельницкого, конституции Пилипа Орлика, возвеличиванию Мазепы, Крутов, Голодомора, Шухевича, Степана Бандеры, героизации УПА и многого из того, что является лишь бледными копиями утраченных реальностей. В таком безудержном отрицании утратили свою ценность не только карточки кошки с чертами собаки, но и исходный формат кошки. Все устремления были направлены на симулякры того, что могло бы предшествовать изображению этой кошки.

Такой феномен В. Франкл определял как «переживание утраты будущего». Жизнь таких «живых трупов» превращается в преимущественно «ретроспективное существование». Их мысли могут кружиться все время «вокруг одних и тех же деталей из переживаний прошлого; житейские мелочи при этом изображаются в волшебном свете» [6, с. 141].

Первые шаги Виктора Януковича у «руля» всей вертикали государственной власти свидетельствуют, что Украина будет осуществлять отрицание всех предыдущих отрицаний и возвращать в жизнь элементы советского и постсоветского времени, которые уже ассоциируются с не самым лучшим, что было в прошлом этой эпохи.

Белоруссия: приоритеты настоящего

Волна отрицания тоталитарной системы в духовной сфере белорусского общества имела свою специфику. Несмотря на присутствие в общественном сознании либеральных настроений с явно выраженной националистической ориентацией, большая часть населения воспроизводила стереотипы, порожденные общественным бытием советского строя. Такая ментальная инертность белорусского народа во многом подпитывалась архетипами культурных традиций православной цивилизации и многовековой идентичностью с российской государственностью.

Немаловажным фактором в сохранении стереотипов социалистического бытия явилось и то обстоятельство, что преобразование производственных отношений протекало в том же русле, что и в перестроечный период, и практически не затрагивало основных сфер материального производства. За период либерализации общественных отношений с 1991 по 1994 год устои государственно-монополистического социализма практически остались неизменными. А когда Лукашенко стал Президентом Белоруссии, он уже никому не позволил расшатывать этот базис.

Приход Лукашенко во власть ознаменовался восстановлением утраченных советских идеалов. С этого времени Белоруссия в своем развитии вступила в фазу отрицания отрицания. Постепенно на «круги своя» стали возвращаться все сферы жизнедеятельности общества, но уже на основе псевдомонархической государственности.

В общественных отношениях произошла реконструкция союзного государства. В сфере материального производства доминировала госсобственность, укрепили свои позиции государственные монополии, посредством референдума усилилась позиция Лукашенко как «отца народа», в управлении воцарилось подобие образа демократического централизма/единоначалия советских времен. Реконструкция исходной основы в государственном устройстве оформилась в целостность суммативного образования однотипных территорий.

Все идеологемы, сконструированные в формате «здесь» и «теперь», призваны неустанно напоминать, какое благо представляет собой тоталитарная данность в формате «мы» во главе с «батькой»: «мы создали эффективную действующую систему государственного управления», «мы уберегли страну от мафиозных кланов, не дали криминалу стать политической силой и прорваться во власть», «мы остановили галопирующую инфляцию, сократили дефицит государственного бюджета», «мы не разбазарили народное достояние, не нахватались иностранных займов, не влезли в долги, отдавать которые пришлось бы детям и внукам», «мы отстаивали и развили социальные гарантии для людей» и т.п. [7].

В так называемой «белорусской модели тоталитарной государственности», посредством которой *изо дня в день* решается проблема роста благосостояния народа и социальной обеспеченности всех категорий граждан, четко просматривается «социалистическая кошка», претерпевшая «внутривидовые мутации» под воздействием «монархической» заботы «батьки» белорусского народа.

Постсоветскую реальность белорусской государственности в полной мере можно вписать в сформулированную Шопенгауэром приоритетность настоящего. Реалии повседневной жизнедеятельности позволяют людям полагать, что одно только «настоящее истинно и действительно: оно есть реально наполненное, и в нем исключительно лежит наше существование. Поэтому мы всегда должны чествовать его радушным приемом, т.е. каждым сносным часом, свободным от непосредственных неприятностей и страданий, наслаждаться с сознанием его ценности, т.е. не омрачать его досадливыми гримасами из-за несбывшихся надежд в прошлом или заботами о будущем» [8, с. 114].

Россия: устремленность в будущее

Россию можно считать правопреемницей СССР прежде всего по совпадению направленности векторов развития, которые обретают свои реальные очертания только за линией горизонта – в будущем и обеспечиваются соответствующим мифотворчеством. Даже перестройка для Горбачева была сродни только желанию преобразовать реальность во имя того будущего, которое во многом напоминало сказочное содержание: пойти туда, не зная куда, и принести то, не зная что. Безусловно, такая мифологема звучала более выигрышно по сравнению с мифологемой Хрущева о построении коммунистического общества в 1980 году, но ее неопределенность в конкретных параметрах не делала притягательным то будущее, к которому нужно было стремиться.

Когда Ельцин выступал в роли главного оппозиционера внутри партии и лидера демократических сил, он желал только свержения тоталитарного строя. Но когда наступило упоение всей полнотой власти, вектор его усилий оказался направленным уже на утверждение режима личной власти, в которой незримо проступали очертания «царя Бориса».

Только с «царских» высот в 1994 году могла быть брошена мифологема: «Возьмите ту долю власти, которую сами сможете проглотить». И таким «царским» подарком поспешили воспользоваться все автономные образования, а Чечня даже «переусердствовала» в этом и заявила о своей независимости.

Государственность российского государства в этот период времени обрела либерально-олигархическую форму. В свою очередь, ее базис сформировался в результате либерализация экономики, которая осуществлялась посредством ваучерной приватизации государственной собственности. Лейтмотивом такой приватизации стали пожелания нобелевского лауреата В. Леонтьева: «Не имеет значение, какую форму приватизации выберете. Важна скорость ее проведения: чем быстрее - тем лучше». Поэтому приватизация госсобственности в России превратилась практически в бесплатную ее раздачу, потому что нельзя было продать бесхозные объекты, неизвестной стоимости тем, у кого не было денег, чтобы их купить. Основная масса населения продала свои ваучеры за бесценок. Владельцами этих объектов стали директора предприятий, влиятельные чиновники, представители криминального мира и все они стали называться «олигархами».

Принимая от Ельцина президентские полномочия, Путин постарался свести его «царскую» щедрость в перераспределения властного суверенитета к максиме: «полномочия местной власти и их возможности должны соответствовать друг другу». Совершенствовать отношения между центром и регионами, а также взаимоотношения субъектов федерации между собой Путин стал таким образом, чтобы «на местах власть работала как надо». Осуществляя двойное отрицание для того, чтобы местная власть смогла стать «более прозрачной, более доступной и более подконтрольной народу», он восстановил ту вертикаль власти, которая предшествовала эпохе перестройки, но уже на основе партийно-олигархической тоталитарности в сфере производственных отношений. Руководящую роль в жизнедеятельности общества была признана выполнять Единая Россия, которая сделала его своим Лидером. Партийными функционерами в ней стали номенклатурные чиновники и представители крупного и среднего бизнеса. Карточки кошки с чертами собаки были аннулированы, и все откатилось к карточке, на которой была изображена только кошка, но уже другой породы.

Получив от Путина переинсталлированную тотальность партийно-олигархического государства, Медведев занялся продуцированием мифологем будущего как целеобразующего вектора развития России. Очередной шанс построить новое, свободное, процветающее, сильное государство он представил в виде мифологем, согласно которым Россия сможет стать одной из лидирующих стран по эффективности производства, транспортировки и использованию энергии; поднять на новый качественный уровень ядерные технологии;

добиться серьезного влияния на процессы развития глобальных общедоступных информационных сетей; создать собственную наземную и космическую инфраструктуру передачи всех видов информации; занять передовые позиции в производстве отдельных видов медицинского оборудования, сверхсовременных средств диагностики и медикаментов [9]. Точкой отсчета для реализации таких мифологем должен стать проект «Сколково», посредством которого можно будет сконцентрировать в одном месте все хорошие начинания, чтобы они могли в последующем расти и развиваться по всей стране.

Поверить в такие радужные перспективы смогут люди, которые, как подметил Шопенгауэр, «стремлениями и надеждами живут только в будущем, смотря постоянно вперед, с нетерпением спеша навстречу грядущим обстоятельствам, которые будто только и могут принести настоящее счастье, – такие люди, несмотря на свои важномудрые мины, похожи на тех ослов в Италии, ход которых ускоряют тем, что на привязанной к их голове палке вешают у них перед носом связку сена, и они все надеются до нее добраться» [8, с. 114].

Выводы:

Динамика развития славянских православных государств свидетельствует, что несинхронность функционирования и разновекторная направленность их цивилизационных идентичностей не только не способствуют интеграционным процессам на межгосударственном уровне, но и содержит многочисленные источники конфликтных ситуаций для формирования надгосударственных структур.

Взаимное стремление к сближению Белоруссии, России и Украины должны быть продиктованы не столько решением экономических проблем, сколько возвращением к первоистокам православно-славянской цивилизации, которой надо сохранить свою идентичность в противоборстве с западноевропейской и мусульманской цивилизациями.

Литература

1. Аристотель. Политика // Соч.: В 4-х т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376 – 644. **2. См.: Гаврилов Н.И.** Мера государственности демократического государства.– К.: Наукова думка, 1997. – С. 81 – 87. **3. «Речение Ипувера»** // Тутанхамон и его время. – М.: Наука, 1976. – С. 144 – 155. **4. Яневський Д.** Загублена історія втраченої держави. – Х.: Фоліо, 2009. – 252 с. **5. Кучма Л.** Украина – не Россия. – М.: Изд-ский дом «Время», 2003. – 560 с. **6. Франкл В.** Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с. **7. Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на втором Всебелорусском народном собрании - 18 мая 2001 г.** // <http://army.lv/?s=1004&id=1251>. **8. Шопенгауэр А.** Афоризмы и максимы. – Л.: ЛГУ, 1990. – 288 с. **9. Медведев Д.** Россия, вперед! // <http://kremlin.ru/news/5413>.

Гаврилов М. І. Трансформаційні реалії пострадянської державності України, Білорусі та Росії

У статті розкриваються уявні підстави проголошених реальностей, аналізується міра визначеності державності держави, осмислюється вплив установок на процес сприйняття дійсності, розкривається трансформаційний потенціал для демократичних перетворень в параметрах реального часу, реконструюються пострадянські трансформаційні реалії державного устрою України, Білорусі та Росії.

Ключові слова: державний устрій, ментальність, міра, уявна реальність, трансформація, установка.

Гаврилов Н. И. Трансформационные реалии постсоветской государственности Украины, Белоруссии и России

В статье раскрываются мнимые основания объявленных реальностей, анализируется мера определенности государственности государства, осмысливается влияние установок на процесс восприятия действительности, раскрывается трансформационный потенциал для демократических преобразований в параметрах реального времени, реконструируются постсоветские трансформационные реалии государственного устройства Украины, Белоруссии и России.

Ключевые слова: государственное устройство, ментальность, мера, мнимая реальность, трансформация, установка.

Gavrilov N. I. Transformation realities of post-Soviet statehood of Ukraine, Belarus and Russia

In the article the imaginary grounds of proclaimed realities are revealed, the extent of certainty of state statehood is analyzed, the directions influence on the process of reality perception is comprehended, the transformation potential for democratic reforms in parameters of real time is revealed, the Post-Soviet transformation realities of Ukraine, Byelorussia and Russia state system are reconstructed.

Key words: state system, mentality, extent, imaginary reality, transformation, direction.